

О древности существованія г. Бѣлева.

Какъ давно получилъ свое начало городъ Бѣлевъ, вопросъ этотъ давно уже занималъ и доселѣ еще занимаетъ всѣхъ изслѣдователей бѣлевской старины, но нѣмъ еще доселѣ не рѣшенъ хоть сколько-нибудь правдоподобно. Нѣкоторые основываясь на томъ, что наши русскія лѣтописи очень поздно (съ 1437 г.) упоминаютъ о городѣ Бѣлевѣ, относятъ начало его существованія къ позднѣйшимъ временамъ удѣльныхъ княжествъ черниговскаго, новосильскаго и одоевскаго.

Въ самомъ дѣлѣ, лѣтописи упоминаютъ о г. Бѣлевѣ въ первый разъ подъ 1437 годомъ, когда въ Бѣлевѣ имѣлъ свое пребываніе царь Казанскій Улу-Махметъ въ *ледяной* крѣпости на берегу рѣчки Бѣлевки, гдѣ нынѣ находятся тюремный замокъ и земская управа, и великій князь Московскій Василій Васильевичъ Темный посылалъ свое войско выгонять его изъ г. Бѣлева, тогда еще находившагося подъ властію Литвы(*). Однако же изъ такого поздняго упоминанія лѣтописей о Бѣлевѣ отнюдь нельзя выводить того заключенія, будто Бѣлевъ получилъ свое начало лишь около этого времени. Изъ дальнѣйшихъ сказаній тѣхъ же лѣтописей и изъ другихъ историческихъ источниковъ извѣстно, что въ эту пору (съ 1437 г.) Бѣлевъ былъ уже удѣльнымъ городомъ князей бѣлевскихъ, потомковъ князей черниговскихъ и новосильскихъ, добровольно признавшихъ надъ собою власть литовскихъ князей. Въ виду этого-то важнаго историческаго обстоятельства нѣкоторые изъ изслѣдователей бѣлевской старины, не имѣя возможности опредѣлить время основанія г. Бѣлева, въ своихъ изслѣдованіяхъ вообще выражались

(*) См. Полн. Собр. Рус. Лѣт. т. V стр. 267, т. VI стр. 150—151 и т. VIII стр. 107.

объ этомъ такъ: „время основанія г. Бѣлева уходитъ въ глубь вѣковъ“ или еще: „покрыто мракомъ древности“. Конечно, это справедливо. Но какъ далеко простирается эта „глубь вѣковъ“ въ которую уходитъ основаніе г. Бѣлева, и нѣтъ ли возможности хотя отчасти разсѣять этотъ „мракъ древности“? Съ увѣренностію можемъ сказать, что эта „глубь вѣковъ“ дѣйствительно велика, но есть возможность приподнять завѣсу прошлаго и освѣтить немного свѣтомъ науки тотъ „мракъ древности“, который во мглѣ своей скрываетъ отъ насъ время основанія города Бѣлева.

Если въ лѣтописяхъ нашихъ нѣтъ яснаго указанія на древность существованія г. Бѣлева, то мы обратимся къ преданіямъ и тѣмъ памятникамъ старины, которые могутъ дать намъ болѣе или менѣе опредѣленное понятіе о томъ, какъ давно существуетъ г. Бѣлевъ.

I.

Въ качествѣ историческаго преданія, для насъ прежде всего имѣетъ весьма важное значеніе самое названіе города *Бѣлева*. Оно можетъ привести насъ къ указанію того времени, когда этотъ городъ могъ получить такое названіе. Откуда произошло такое названіе нашего города, вопросъ этотъ давно уже занималъ и доселѣ еще занимаетъ всѣхъ изслѣдователей бѣлевской старины не менѣе, чѣмъ и вопросъ о началѣ существованія этого города. Одни изъ изслѣдователей производили названіе этого города отъ словъ *бѣлый*, *бѣлизна* и *бѣль*, но въ то же время становились въ тупикъ передъ тѣмъ, чтобы такое было въ самомъ г. Бѣлевѣ или его окрестностяхъ *бѣлое*, давшее имя городу и рѣчкѣ Бѣлевкѣ. Другіе же, основываясь на томъ, что ни въ самомъ городѣ, ни въ его окрестностяхъ нѣтъ ни *бѣлыхъ*, мѣловыхъ, горъ, ни чего-либо вообще бѣлаго, находили, что названіе этого города нельзя выводить ни изъ русскаго, ни изъ славянскаго языковъ, и потому утверждали, что „самый звукъ слова *Бѣлевъ* не есть русскій, и приличнѣе искать значеніе оному въ языкѣ финскихъ или сарматскихъ народовъ, кои были древніе обитатели сихъ мѣстъ и кои

оставили намъ до нынѣ удержанныя названія урочищамъ и рѣкамъ; почему вѣроятно заключать, что первые основатели города Бѣлева были Мерь или иные изъ сарматскихъ народовъ“⁽¹⁾. Третьи въ объясненіе этого названія приводили какую-то легенду о томъ, что когда-то здѣсь въ дремучихъ лѣсахъ жилъ одинъ пустынный, который ходилъ къ ручью за водою и всякій разъ, когда бы и въ какое бы время онъ ни вышелъ за водою, встрѣчалъ на берегу ручья какого-то ужаснаго звѣря, показывавшагося пустыннику на противоположномъ берегу ручья, *звѣрь же сей*, будто бы говоритъ легенда, *бѣ левъ*; отсюда-то, отъ соединенія словъ *бѣ левъ* и произошло будто бы названіе этого ручья *Бѣлевкою*, а города, впоследствии построенаго на немъ, *Бѣлевома*⁽²⁾. Наконецъ, четвертые, а въ числѣ ихъ и покойный Ив. О. Афремовъ, названіе этого города производятъ отъ рѣчки Бѣлевки, а отъ чего произошло названіе самой этой рѣчки, ничего о томъ не говорятъ. „Не рѣка по городу, а городъ по рѣкѣ сталъ существовать по необходимости въ водѣ“⁽³⁾, говоритъ Афремовъ, стараясь доказать, что нѣкоторые города Тульской губерніи, а въ числѣ ихъ и Бѣлевъ, получили свое названіе по рѣкамъ, на коихъ они стоятъ, хотя ему хорошо было извѣстно, что Бѣлевъ стоитъ при р. Окѣ, Малой Выркѣ и Бѣлевкѣ, и скорѣе могъ бы получить свое названіе отъ двухъ первыхъ рѣкъ, чѣмъ отъ такого ручья, какъ Бѣлевка, протекавшая всего только 470 саж.

При изслѣдованіи вопроса о происхожденіи названія г. Бѣлева не слѣдуетъ упускать изъ виду того весьма важнаго обстоятельства, что не всѣ города и селенія, а равно и рѣки, урочища и мѣстности Россіи получили свое названіе отъ внѣшнихъ признаковъ своихъ, но есть и такіе, которые получили свое названіе отъ различныхъ историческихъ событій, оставшихся навсегда памятными для народа. Что мудренаго въ томъ, если и г. Бѣлевъ,

(1) См. Истор., стат. и камер. описаніе г. Бѣлева.

(2) Такъ говорится объ этомъ въ одномъ рукописномъ описаніи г. Бѣлева; но помнится, что гдѣ-то и въ печати мы читали объ этой легендѣ.

(3) См. Истор. обзор. Тул. губ. стр. 122.

подобно многимъ другимъ, получилъ свое названіе не отъ иного чего, какъ отъ извѣстнаго историческаго момента или важнаго событія въ исторической жизни древнихъ обитателей здѣшней страны увѣковѣченнаго названіемъ этого города и небольшой рѣчки при немъ? И мы имѣемъ основаніе полагать, что это именно такъ и было, т. е. что извѣстное историческое событіе въ древней области Вятчей дало свое имя г. Бѣлеву, а съ нимъ вмѣстѣ и рѣчкѣ Бѣлевкѣ.

Просматривая „Полное Собраніе русскихъ лѣтописей“, мы нашли между прочимъ слѣдующее мѣсто въ „Софійской первой лѣтописи“: „въ лѣто 6367 (859 г.) имаху дань Варязи изъ заморія на Чюди, на Словенихъ, на Мери и на всѣхъ Кривичехъ, отъ мужа по бѣлѣ веверицѣ⁽¹⁾. А Козари имаху дань на Полянехъ, и на Сѣверенехъ и на Вятчихехъ, по бѣлѣ векшици⁽²⁾ отъ дыма“⁽³⁾. Тоже самое сказано и „въ среднемъ текстѣ Нестора“ по Воскресенскому списку⁽⁴⁾ и въ Тверской лѣтописи⁽⁵⁾, въ Никоновой же лѣтописи сказано: „по бѣлѣ, рекшѣ по вѣкшѣ съ дыма“⁽⁶⁾, т. е. по бѣлкѣ *домной*, зимняго улова, съ дома. Такимъ образомъ, по свидѣтельству этихъ лѣтописей, оказывается, что предки наши Вятчи, въ 859 году платили дань Козарамъ по бѣлой вѣкшицѣ съ дыма, или просто по бѣлкѣ зимняго улова съ дома, отъ чего, вѣроятно, и самая бѣлка доселѣ извѣстна въ народѣ подъ именемъ *дымки*. Козары, какъ извѣстно изъ свидѣтельства о нихъ арабскихъ географовъ и византійскихъ писателей, жили по ту сторону Волги близъ Каспійскаго моря, а отчасти и по берегамъ Азовскаго и Чернаго морей, и самый столичный городъ ихъ Итиль

(1) *Веверица* — пушной звѣрокъ, которымъ платили дань, вѣроятно ласка, горностай. Бѣлая веверица — ласка и горностай зимняго *домнаго* улова. Такъ объясняютъ въ своихъ словаряхъ Доля, Толль и Березинъ.

(2) *Векшиа*, по объясненію Доля, Толля и Березина, *бѣла, бѣлка* зимняго лова, по снѣгу, особенно въ древности цѣнившася.

(3) Соф. п. лѣт. стр. 88. П. С. Р. Л. т. V.

(4) Воскр. лѣт. стр. 267. П. С. Р. Л. т. VII.

(5) Твер. лѣт. стр. 29. П. С. Р. Л. т. XV.

(6) См. Ник. лѣт. стр. 8. П. С. Р. Л. т. XV.

стоялъ при Каспійскомъ морѣ у устьевъ Волги, и только лишь въ послѣдствіи времени, уже въ 834 году, при содѣйствіи грековъ они построили на Дону городъ *Саркелъ* или *Бѣлую Вежу*⁽¹⁾, укрѣпленную *греческимъ искусствомъ*, чтобы противодѣйствовать давнишнимъ разбоямъ и грабегамъ *бродячей Руси*, вышедшей вѣроятно изъ предѣловъ нашей Тульской губерніи еще въ пору населенія ея финнами у верховьевъ Дона, и въ числѣ 100000 удалцовъ жившей у Азовскаго моря въ городѣ Руги, или *Руси*, и опустошавшей берега не только Азовскаго и Чернаго морей, но и самой Византіи⁽²⁾. Вѣроятно уже послѣ построенія Саркела Козары, разобщивши жителей Руси съ ихъ единоплеменниками, жившими въ верховьяхъ Дона и ежегодно на своихъ судахъ спускавшимися прежде въ Азовское море для опустошенія береговъ Византіи вмѣстѣ съ жителями Руси, и оградивши себя отъ нападеній *бродячей Руси*, предприняли свой походъ противъ Вятичей, постепенно подвигаясь впередъ въ верхъ по рѣкамъ Дону, Соснѣ, Неручу, Зушѣ и Окѣ съ ея притоками въ среднемъ ея теченіи и наложили дань на Вятичей. Но Вятичи не такого рода было племя, чтобы оно стало охотно платить дань пришельцамъ изъ далекихъ странъ и легко подчинилось ихъ игу. По свидѣтельству лѣтописцевъ, живя въ дремучихъ лѣсахъ, *якоже и всякій зверь*, они любили свободу во всемъ и трудно подчинялись иноземной власти. Если и послѣ подчиненія ихъ своей власти Святославомъ, когда онъ побѣдилъ Козаръ, на нихъ должны были еще ходить Владиміръ Святой дважды и даже Владиміръ Мономахъ; то могло ли быть то, чтобы Козары, живя въ своемъ Итилѣ у Каспійскаго моря или въ Саркелѣ у низовьевъ Дона, въ состояніи были оттуда управлять Вятичами и брать съ нихъ дань? И Саркелъ и тѣмъ болѣе Итилъ были

(1) *Саркелъ* и *Бѣлая Вежа* значить одно и то же: бѣлый домъ и бѣлые шатры или палатки, въ которыхъ жили Козары во время своихъ походовъ и даже въ мѣстахъ своихъ поселеній. См. Ист. Гос. Росс. т. 1 пр. 90, а равно словари Доля, Толля и Березина.

(2) См. Ж. М. Нар. Просв. 1876 г. №№ 1, 2, 3 и 4 статью Щеглова.

слишкомъ удалены отъ земли Вятичей, чтобы послѣдніе не пытались освободиться отъ ихъ ига и не отказались платить имъ дань, и чтобы Козары оттуда могли держать ихъ въ страхѣ и покорности. Если гдѣ-либо, то тѣмъ болѣе въ землѣ Вятичей Козарамъ необходимо было имѣть нѣсколько укрѣпленныхъ пунктовъ, или постоянныхъ наблюдательныхъ постовъ, чтобы держать у себя въ покорности такихъ свободолюбивыхъ своихъ данниковъ, наблюдать за ними и получать съ нихъ дань. И мы видимъ изъ свидѣтельства „писцовыхъ книгъ Бѣлевскаго уѣзда 1630 года“ и изъ разсмотрѣнія топографическихъ картъ Тульской и Калужской губерній, что Козары дѣйствительно имѣли постоянное свое пребываніе въ нѣсколькихъ мѣстахъ въ землѣ Вятичей. Если справедливо предположеніе извѣстнаго ученаго Шафарика, что нынѣшнее село *Вяжкое* въ Тарусскомъ уѣздѣ есть ничто иное, какъ древній городъ *Вятичевъ*, вѣроятно, главный городъ поселеній Вятичей⁽¹⁾; то не инымъ какимъ путемъ Козары могли добираться до этого города, какъ чрезъ Донъ, Сосну, Неручь, Зушу и Оку. И, вотъ, живые памятники доселѣ ясно говорятъ намъ о томъ, гдѣ въ тѣ давно прошедшія времена Козары хозяйствовали въ землѣ Вятичей. На Зушѣ невдалекѣ отъ Новосила есть село Вяжи, на Неручѣ село Козарь, на Окѣ невдалекѣ отъ Бѣлева пустошь Козаровская, верхъ Козаровскій, рѣчка Козарь, деревня Козарь, село Козарь и рѣчка Козарка, а равно и рѣчки Вежна и Веженка⁽²⁾ въ 3 верстахъ отъ Бѣлева, и наконецъ село Козариново или Козарганово невдалекѣ отъ села Вяцкаго въ Тарусскомъ уѣздѣ: самими назва-

(1) Или *Вятичевскъ* по древнимъ лѣтописямъ. Городъ, носившій такое названіе, безъ сомнѣнія скорѣе могъ быть главнымъ городомъ всей земли Вятичей, чѣмъ г. Карачевъ, какъ то *голословно* утверждаетъ неизвѣстный авторъ въ статьѣ своей о церкви свм. Кукши въ г. Мценскѣ, напечатанной въ № 33 „Церк. Вѣд.“ 1893 г. стр. 1377.

(2) Замѣчательно то, что на старинной картѣ показано два русла рѣчки Вежны, и одно изъ нихъ, теперь пересохшее, имѣло видъ широкаго канала въ совершенно прямомъ направленіи къ устью р. Лютимки, впадающей въ Оку на противоположномъ берегу ея, такъ что изъ одной рѣчки легко можно было входить въ другую.

ніями своими они свидѣтельствуютъ о томъ, что здѣсь имѣли свое пребываніе Козары и отмѣчаютъ тотъ путь, которымъ они ходили въ разные города земли Вятчей. Наконецъ, и самый г. Новосиль, по нашему мнѣнію, есть ничто иное, какъ Новый Итиль (Новотиль, Новосиль) и указываетъ на то, что Козары въ немъ имѣли хорошей укрѣпленный пунктъ на границахъ земли Вятчей и жили, какъ въ своемъ городѣ.

Итакъ столѣтнее пребываніе Козаръ въ землѣ Вятчей въ предѣлахъ Калужской и Тульской губерній и около г. Бѣлева въ частности, и даже въ особенности, доселѣ сохранилось въ памяти народной чрезъ названіе рѣчекъ, поселеній и мѣстностей *козаровскими*. Точно такъ же навсегда потомъ сохранилась память о прохожденіи татаръ къ г. Бѣлеву: въ „писцовыхъ книгахъ бѣлевскаго уѣзда“ говорится о *каменномъ татаровскомъ бродѣ*⁽¹⁾, *оврагѣ татаровскомъ* и *верхѣ татаровскомъ*, *понеже*, сказано, *здѣсь лаятъ татарове*. Могло ли послѣ этого не сохраниться въ памяти народной подобнымъ же образомъ указанія на то, какую именно дань Козары наложили на Вятчей? Полагаемъ, что оно не могло не увѣковѣчиться въ памяти народной и дѣйствительно увѣковѣчилось сохранилось до нашего времени и будетъ сохраняться еще, быть можетъ, многіе вѣка въ названіи по крайней мѣрѣ одного города и нѣсколькихъ (по картѣ нами насчитано семь) селеній въ землѣ Вятчей, и что этотъ городъ именно есть Бѣлевъ. Такъ какъ старинное бѣлевское городище находилось на весьма высокомъ и крутомъ берегу рѣки Оки, гдѣ нынѣ находятся мужской и женскій монастыри съ прилегающими къ нимъ улицами, между рѣчками Малою Выркою и Бѣлевкою, а позади его шель глубокой оврагъ, теперь на протяженіи полутора квартала совершенно засыпанный, но въ древности, даже до начала нынѣшняго столѣтія, соединявшій такъ называемую Корачевку съ Шумиловкою, или овраги карачевскій и шумиловскій, такъ же очень глубокіе, и сверхъ того

(1) См. Бѣл. Вивл. т. II стр. 35.

позади этого же городища съ посадомъ при немъ⁽¹⁾ и слободами воскресенскою и георгиевскою, и съ обоихъ бочковъ находилось еще нѣсколько отдѣльныхъ возвышенныхъ холмовъ или горъ, весьма удобныхъ для защиты города отъ нападеній непріятелей; то Козары, конечно, не могли не обратить своего вниманія на столь выгодную для нихъ позицію и не занять ее. Здѣсь для нихъ могъ быть самый выгодный и самый удобный наблюдательный постъ, самое удобное мѣсто для сооруженія здѣсь большой крѣпости, въ которой они могли жить безпечно, держа въ своемъ повиновеніи своихъ новыхъ данниковъ. Мѣсто это для нихъ тѣмъ болѣе было удобно, что на противоположной сторонѣ за р. Окою на обширной луговой равнинѣ для нихъ представлялось привольное раздолье для постановки своихъ *вежъ* въ лѣтнее время, когда Козары изъ Итиля или Саркела на своихъ судахъ могли во множествѣ приплывать сюда, какъ въ центральный и безопасный для нихъ пунктъ, для сбора дани со всей земли Вятичей,—а рѣчки Малая и Фотьяновскія Вырки, Лютимка и Вежна представляли собою удобныя мѣста для стоянки всѣхъ ихъ судовъ. Самое названіе рѣчки, протекающей чрезъ это луговое пространство, *Вежною или Веженкою* указываетъ на то, что нѣкогда Козары располагались здѣсь своими *вежами*: память народная этимъ названіемъ увѣковѣчила пребываніе здѣсь Козаръ. Понятно само собою, что г. Бѣлевъ, въ силу столь благопріятныхъ для Козаръ обстоятельствъ, долженъ былъ сдѣлаться однимъ изъ главныхъ, центральныхъ мѣстъ ихъ постояннаго пребыванія въ землѣ Вятичей, гдѣ они могли имѣть постоянное свое войско и куда могла свозиться къ нимъ дань бѣлками съ большаго района ихъ новыхъ владѣній, для отправленія ея потомъ на судахъ въ верхъ по р. Окѣ, Зушѣ, Неручу, Соснѣ

(1) Изъ писцевыхъ выписей XVII в. видно, что древній крѣпостной большой валъ съ глубокимъ при немъ ровомъ проходилъ между такъ называемою Машиною Горюю и теперешнимъ мостомъ чрезъ Бѣлевку мимо Владимірской церкви въ прямомъ направленіи отъ воскресенской улицы, изъ чего видно, что городище было очень велико.

и Дону въ Саркель, а оттуда въ Итиль. Мѣсто ихъ постоянного жительства здѣсь для удержанія Вятичей въ покорности и сбора съ нихъ дани бѣлками, конечно было всѣмъ хорошо извѣстно и не могло изгладиться изъ памяти народной. По естественному чувству ненависти къ той дани, которую Козары наложили на Вятичей, народъ самый этотъ городъ назвалъ городомъ *бълой векши* или *бъличымъ*, а бѣлку *дымкою*, и тѣмъ увѣковѣчилъ въ памяти народной какъ самый родъ дани, такъ и размѣръ ея—*по бѣлкѣ съ дыма*. По всей вѣроятности первоначальное названіе этого города было *Бъловекшескъ*, а *Бълевъ* есть только позднѣйшее сокращеніе этого названія: Бѣловекшескъ, Бѣловекшекъ, Бѣловескъ, Бѣлевескъ и наконецъ Бѣлевъ. Подобнаго рода сокращенія названій городовъ въ землѣ Вятичей мы находимъ въ тѣхъ же лѣтописяхъ; города Вятчевескъ и Карачевескъ измѣнились въ Вятчевъ и Карачевъ.

II.

Предположеніе наше, что г. Бѣлевъ получилъ свое названіе отъ извѣстнаго историческаго событія въ землѣ Вятичей, именно отъ наложенія Козарами дани на Вятичей бѣлками, и потому происходитъ это названіе отъ слова *бѣла*, или *бѣлка*, тѣмъ еще большую получаетъ вѣроятность, что вблизи Бѣлева сохранилось доселѣ много названій чисто историческихъ. Просматривая „писцовыя книги бѣлевскаго уѣзда 1630 года“, мы были удивлены группировкою этихъ названій вокругъ Бѣлева, такъ что намъ невольно представился вопросъ: не здѣсь ли именно былъ главный театръ дѣйствій Козарь, Святослава, Владиміра Святаго и наконецъ Владиміра Мономаха въ землѣ Вятичей? Вообще, можно сказать, здѣсь вмѣсто хартій и камней, на самой матушкѣ сырой землѣ наши предки написали цѣлую лѣтопись своей исторической жизни, втеченіе нѣсколькихъ вѣковъ, для памяти ихъ потомковъ. Постараемся же разобрать и прочесть эту нѣмую лѣтопись нашихъ предковъ, въ давно прошедшія времена жившихъ въ г. Бѣлевѣ и его окрестностяхъ. А для того обратимся прежде всего къ извѣстнымъ

лѣтописнымъ сказаніямъ о судьбѣ нашихъ предковъ, и потомъ посмотримъ, какъ предки наши увѣковѣчили въ памяти народной различныя событія изъ ихъ исторической жизни.

Послѣ первыхъ лѣтописныхъ сказаній о наложеніи Козарами дани на Вятичей *по бѣль вѣкиицѣ отъ дыма*, приведшей Козарь къ хозяйствованію въ подвластной землѣ Вятичей, мы находимъ свидѣтельство тѣхъ же лѣтописей о томъ, что Козары не удовольствовались первоначальною данію съ Вятичей и впослѣдствіи увеличили ее весьма значительно. „Въ лѣто 6472 (964 г.) иде Святославъ на Оку рѣку и налѣзе Вятичи, рече: кому дань даете? Они же рѣша: Козаромъ, по шлягу отъ рала даемъ“⁽¹⁾. И такъ, ко времени Святослава Козары возвысили дань свою съ Вятичей, вмѣсто бѣлки *съ дыма*, или дома, они стали брать *по шелегу съ рала*, или съ каждой сохи, съ тягла, какъ впослѣдствіи стали говорить, переложили дань съ дома на душу и замѣнили ее деньгами. Вслѣдствіе чего совершилась такая важная перемѣна въ образъ взиманія дани съ Вятичей, лѣтописи ничего не говорятъ; однако же мы отнюдь несогласны съ тѣми, которые утверждаютъ, будто бы это случилось вслѣдствіе того, что Вятичи до времени наложенія на нихъ дани Козарами жили въ своихъ дремучихъ лѣсахъ, *яко же и всякій звѣрь, ядуще все нечистое*, во выраженію лѣтописцевъ, не имѣя понятія о гражданственности, а потомъ втеченіе столѣтняго обладанія ими Козарь вышли изъ своего дикаго состоянія, перешли отъ дикой лѣсной жизни къ осѣдлости и мирнымъ земледѣльческимъ занятіямъ. Правда, лѣтописи говорятъ намъ о Вятичяхъ и ихъ сосѣдяхъ слѣдующее: „Радимичи, и Вятичи, и Сѣверяне единъ обычай имуть: живяху въ лѣсахъ, *яко же и всякій звѣрь, ядуще все нечисто*, срамословіе у нихъ предъ родители, и племени не стыдятся; браци не бываху въ нихъ, но игрища межи селы, и схождахуса на игрища и на вся бѣсовская плясанія, и ту умыкаху себѣ жены, съ нею же кто совѣщався; имуть

⁽¹⁾ См. Соф. п. л. стр. 106. П. С. Р. Л. т. V. Тоже и въ Несторовой и въ Воскр. списку и въ Никоновой и въ Тверской.

же и по двѣ, и по три жены. И аще кто умре у нихъ, творяхуть трызну надъ нимъ, и потомъ створять кладу велику, и возложатъ на кладу мертвеца и сожгутъ е, и по семь собравше кости и вложатъ въ судину малу, и поставляху на путехъ на столбѣхъ: еже творять Вятичи и до сего дне. Сей же имуть обычай и Кривичи и прочіи поганіи, невѣдуще Закона Божія, но творяще сами себѣ законъ⁽¹⁾; но изъ этого еще не слѣдуетъ того, чтобы Вятичи даже до времени такого отзыва о нихъ лѣтописца въ концѣ XI в. не имѣли осѣдлости. Это свидѣтельствуется лишь о ихъ нравственномъ состояніи грубаго язычества, но отнюдь не о незнаніи ими гражданственности. Пришедши, по свидѣтельству лѣтописцевъ, на берега Оки съ запада „отъ Ляховъ“, они не могли не быть знакомыми даже и въ ту пору какъ съ осѣдлостію, такъ и съ земледѣліемъ. Не въ берлогахъ же по звѣриному жили они среди дремучихъ лѣсовъ или не въ дуплахъ деревьевъ подобно сказочнымъ богатырямъ, и не кореньями же или звѣриною они питались, живя въ обширной странѣ, изобиловавшей рѣками и поемными лугами, когда самъ же лѣтописецъ свидѣтельствуется о томъ, что они устраивали себѣ „игрища межи селы“. Разъ у нихъ были селенія; значить они вели жизнь осѣдлую, занимались разными ремеслами и домашнимъ хозяйствомъ, и охотою, и рыбною ловлею, и скотоводствомъ и земледѣліемъ: иначе осѣдлая жизнь немислима. Обо всемъ этомъ ясно говоритъ намъ и самая дань, первоначально наложенная Козарами на Вятичей по бѣлкѣ „съ дыма“ или дома: значить уже и въ эту пору Вятичи жили въ домахъ и занимались звѣринымъ промысломъ, а промыселъ предполагаетъ и занятіе мѣнною торговлею, столь обыкновенною въ тѣ времена среди народовъ, ведущихъ осѣдлую жизнь. Поэтому можно полагать, что увеличеніе дани было просто слѣдствіемъ желанія Козаръ получить съ своихъ данниковъ возможно болѣе, и при томъ съ каждаго, кто могъ ее платить, а въ этомъ случаѣ *раго* или *соха*⁽²⁾, которою можетъ управлять всякій взрослый здо-

(1) См. Соф. п. лѣт. 83.

(2) Отсюда потомъ произошло и въ писцовыхъ книгахъ употребляемое выраженіе „сошное письмо“, или записъ оклада съ земли на государственныя повинности.

ровый человекъ, лучше всего могла опредѣлить, съ кого именно можно взять дань. Переложеніе же этой дани съ звѣриныхъ шкуръ на деньги, на *шелег*, конечно, было простымъ слѣдствіемъ введенія у Вятичей въ употребленіе звонкой монеты самими же Козарами для удобства собиранія дани съ нихъ и для торговыхъ оборотовъ, если дотолѣ у нихъ не было никакихъ денежныхъ знаковъ. Какъ бы то ни было, а новая дань Козарами была наложена на Вятичей, съ *дыма* переложена на *рало*, *бѣлку* замѣнилъ *шлягъ*, или *шелегъ*; событіе случилось очень важное. И это событіе опять не прошло безслѣдно для памяти народной; оно опять увѣковѣчено нашими предками и, такъ сказать, записано ими въ лѣтописи на самой же матушкѣ сырой землѣ. Что же говоритъ намъ объ этомъ нѣмая ихъ лѣтопись? А вотъ что: не вдалекѣ отъ г. Бѣлева, немного ниже р. Вежны мы находимъ на берегу Оки деревню *Шелехову*, или *Селехову*, которая въ писцовыхъ книгахъ 1630 г. и „межевыхъ“ 1685 г. названа *Береговою* тожъ. Самое это названіе ясно указываетъ на *шелегъ* и свидѣтельствуетъ объ увѣковѣченіи Вятичами памяти о новомъ родѣ дани, наложенной на нихъ⁽¹⁾.

Теперь весьма важный для насъ вопросъ о томъ, гдѣ Святославъ „налѣзе Вятичи“, по выраженію лѣтописцевъ, и былъ ли онъ около Бѣлева? Г. Ходаковскій въ своемъ изслѣдованіи путей сообщенія въ древней Россіи говоритъ, будто въ 964 году Святославъ могъ найти Вятичей, платившихъ дань Козарамъ, лишь водянымъ путемъ, перешедши изъ Волги въ Оку и слѣдуя по ней въ верхъ къ устью Тарусы и далѣе, будто бы здѣсь, развѣдавъ, что Упа посредствомъ Шати и Шивороны близка къ Дону великому, текущему чрезъ Козарское владѣніе въ Понтъ, Святославъ переволокъ свои ладьи чрезъ сіе небольшое пространство, пошелъ по Дону, сразился съ Коганомъ и взялъ крѣпость Бѣловѣжу а потомъ чрезъ два года тѣмъ же путемъ возвратился въ землю Вятичей⁽²⁾.

(1) Въ Козельскомъ уѣздѣ есть селеніе Слаговищи, которое вѣроятно есть только измѣненіе слова Шляговищи.

(2) См. Р. Ист. сб. т. 1, к. 1, стр. 5 и 6.

Съ этимъ согласиться нельзя, во первыхъ, потому, что, по свидѣтельству арабскихъ географовъ, страна, находившаяся въ верховьяхъ Дона и Упы, была въ ту пору ни для кого недоступна и никому не извѣстна, ибо населена была такимъ народомъ, который никого не пропускалъ въ свою страну и убивалъ всякаго иностранца⁽¹⁾; слѣдовательно, у устьевъ Тарусы Святославъ никакъ не могъ узнать о томъ, что Упа близка къ Дону великому посредствомъ Шати и Шивороны, а тѣмъ болѣе не могъ проникнуть въ эту страну, — во вторыхъ, потому, что Святославу не было никакой нужды идти въ землю Козаръ инымъ, далекимъ и неизвѣстнымъ для него путемъ, когда предъ нимъ лежалъ тотъ широкій и близкій путь, какимъ ходили туда сами же Козары по Окѣ, Зушѣ, Неручу, Соснѣ и Дону, и когда безъ всякаго сомнѣнiя ему не могло быть неизвѣстно, что чрезъ землю Вятичей издавна отъ р. Десны шелъ большой торговый путь въ Камскую Болгарiю и Козарiю чрезъ р. Оку; и, въ третьихъ, потому, что изъ лѣтописей не видно, чтобы Святославъ именно съ Волги зашелъ въ Оку и нашелъ на ней Вятичей. Лѣтописи лишь говорятъ намъ о томъ, что Святославъ въ 964 году пошелъ на Оку и Волгу и напалъ на Вятичей, платившихъ дань Козарамъ. Такъ какъ сосѣди Вятичей Сѣверяне и Радимичи давно уже платили дань Святославу, то всего скорѣе отъ нихъ же онъ могъ узнать, какъ о мѣстѣ главныхъ поселенiй Вятичей, такъ и о путяхъ къ нимъ по рѣкамъ Деснѣ и Жиздрѣ съ ихъ притоками⁽²⁾ или о томъ древнемъ торговомъ пути, который черезъ землю Вятичей шелъ отъ р. Десны въ Камскую Болгарiю и Козарiю. И какъ, по свидѣтельству лѣ-

(1) См. Первые стр. Рус. Ист. въ Ж. М. Н. П. 1876 г. №№ 1—4.

(2) Просматривая карту Калужской губернии, мы нашли, что невдалекѣ отъ г. Брянска въ р. Десну впадаетъ р. Волба, двумя своими притоками весьма близко подходящая къ р. Жиздрѣ, и какъ разъ почти здѣсь находится селенiе Куява, самымъ названiемъ своимъ указывающая на основанiе ея кiевлянами. Не вдалекѣ же отъ р. Жиздры и г. Сухинича есть селенiе Козары, указывающее на пребыванiе Козаръ и за р. Жиздрю. Безъ сомнѣнiя, жившіе здѣсь Козары имѣли сообщенiе съ тѣми, которые жили при р. Окѣ около Бѣлева, и отъ р. Жиздры по ея притокамъ шелъ путь къ притокамъ Оки около Бѣлева, которымъ ходили Козары на судахъ.

тописцевъ, главнымъ правиломъ его отношеній къ тѣмъ, на кого онъ хотѣлъ напасть, было „посылать къ странамъ, глаголя: *хощу на вы идти*“; то, конечно, и здѣсь было тоже самое. „Хощу на вы идти“, послалъ онъ сказать жителямъ береговъ Оки, Вятичамъ, и пошелъ на нихъ. Вятичи не могли не слышать о Святославѣ и его храбрости, живя въ сосѣдствѣ съ Радимичами и Сѣверянами, но надѣялись на силу и могущество своего верховнаго повелителя Когана Козарскаго, и потому, конечно, не согласились признать себя данниками Святослава. Не вѣроятно, чтобы Святославъ, получивши отвѣтъ отъ Вятичей, что они платятъ дань Козарамъ, ограничился лишь полученіемъ такого отвѣта и потомъ оставилъ Вятичей въ покоѣ. Если онъ рѣшился сокрушить царство Козарское прежде подчиненія себѣ Вятичей, то всего для него естественнѣе было напасть на Козаръ въ самой же землѣ Вятичей, чтобы освободить послѣднихъ отъ власти Козаръ, обезпечить себѣ путь впередъ, и тѣмъ же путемъ, какимъ ходили сами Козары въ землю Вятичей, вторгнуться въ ихъ царство. Лѣтописецъ говоритъ: „въ лѣто 6473 (965 г.) иде Святославъ на Козары. Слышавше Козары, изыдоша противу со княземъ своимъ Коганомъ, и съ ступишася обои; и одолѣ Святославъ Козаромъ, и градъ ихъ Бѣлувежу взя. Въ лѣто 6474 (966) побѣди Святославъ Вятичи, и дань на нихъ положи“⁽¹⁾. Такимъ образомъ самъ князь Козарскій, или Коганъ выступилъ противъ Святослава. Значить, Козары хорошо въ эту пору сознавали, на сколько былъ силенъ Святославъ; а это они могли хорошо узнать лишь тогда, когда Святославъ не сидѣлъ передъ этимъ въ землѣ Вятичей сложа руки и козарскимъ передовымъ наблюдательнымъ постами уже пришлось имѣть съ нимъ дѣло и очистить предъ нимъ путь въ Козарію. Только лишь сознаніе великой опасности могло заставить самого Когана выйти противъ Святослава, потому что о немъ извѣстно, что онъ лишь *царствовалъ*, а не предводительствовалъ войсками во время походовъ⁽²⁾.[†] Куда самъ Коганъ вышелъ

(1) См. Соф. п. лѣт. 106. П. С. Р. Л. т. V.

(2) См. Ист. Р. Рос. т. I пр. 90 по изданію 1852 г.

на встрѣчу Святославу, лѣтописецъ объ этомъ не говорить ничего; но едва ли не въ землю же Вятичей, гдѣ безъ сомнѣнія у Козаръ были свои опорные пункты, особенно же по тому пути, который отъ р. Десны шель черезъ землю Вятичей въ Камскую Болгарію и Козарію⁽¹⁾. По крайней мѣрѣ есть основаніе полагать, что близъ самага г. Бѣлева у Святослава могла быть жаркая схватка съ Козарами. Удивительное указаніе на это даетъ намъ наша бѣлевская нѣмая лѣтопись, написанная нашими предками на матушкѣ сырой землѣ. Суть дѣла въ томъ, что близъ самага г. Бѣлева съ западной его стороны, на пути отъ Козельска, стоящаго на р. Жиздрѣ, къ г. Бѣлеву, есть деревня *Ганшина* на р. Малой Вырки, и пустошь *Жаровская*, *Ганшинская* тожъ по среднему теченію р. Малой Вырки и *Чеусова* поляна, въ лѣво отъ этой деревни есть рѣчка *Хочунька*, пустошь *Хочунь*, была тутъ же деревня *Хочунь* и есть верхъ *Хочуньскій*⁽²⁾, а въ право — къ сѣверу есть село *Хочево*, рѣчки *Волкума* и *Лютимка* съ 4 оврагами и 2 верхами *лютимскими*. Самыя названія эти кажутся намъ съ перваго раза странными и непонятными; но если мы будемъ смотрѣть на нихъ, какъ именно на названія историческія, увѣковѣчивающія собою память о схваткѣ здѣсь Святослава съ Козарами, тогда всѣ эти названія сдѣлаются очень ясными для насъ и имѣющими свой смыслъ и свою важность. По нашему мнѣнію слово *Ганшина* происходитъ не отъ чего иного, какъ отъ слова *коганъ*: звукъ *к* въ устахъ народа и доселѣ еще слышится въ названіи этой деревни *Кганшина*, или *Канщина*, сокращенное изъ *Каганщина* или *Когановщина*, — а *Чеусова* поляна напоминаетъ собою Козарское названіе одного изъ важныхъ сановниковъ Когана *Чеушиара*⁽³⁾. Что же

(¹) Проф. Е. Замысловскій въ своемъ объясненіи къ учебному атласу по русской исторіи говоритъ, что въ VIII, IX и X вѣкахъ черезъ землю Вятичей отъ р. Десны шель на р. Оку древній торговый путь въ Болгарію Камскую и Козарію, что доказывается находимыми здѣсь древними римскими и греческими монетами (стр. 22). Едва ли этотъ путь не шель именно черезъ г. Бѣлевъ, гдѣ такъ же находимы были римскія монеты II вѣка.

(²) См. Бѣл. Вивл. т. 2, стр. 90 и карта № 40, стр. 18.

(³) См. Ист. Г. Росс. т. 1 пр. 90 стр. 62 по изд. 1852 г.

касается до слова *Хочунь* или *Хочуня*, то оно, какъ слово укоризненное, доселѣ еще прилагается къ тѣмъ людямъ, которые хотятъ все поставить на своемъ: „эй, ты, хочуня!“, отвѣчаютъ такимъ людямъ, когда они говорятъ: „я такъ этого хочу“. По нашему мнѣнію оно какъ нельзя лучше идетъ къ Святославу, посылавшему „къ странамъ, глаголя: *хочу на вы идти*“. Видя его жадность къ завоеваніямъ и слыша его непреклонное „хочу на васъ идти“, Вятичи естественно могли дать ему прозвище „Хочуня“ и назвать извѣстныя мѣстности, быть можетъ тѣ самыя, гдѣ Святославъ стоялъ своимъ станомъ или самъ непосредственно командовалъ отрядомъ войска, *Хочуню*, а отсюда произошли потомъ названія рѣчка *Хочунька*, деревня *Хочунь* и верхъ *Хочуньскій*. Послѣ этого не трудно будетъ объяснить и названіе рѣчекъ *Волкума* и *Лютимка*, потому что изъ лѣтописныхъ сказаній и народныхъ былинъ извѣстно, что самымъ главнымъ воеводою у Святослава былъ Свѣнелдь, знаменитый сподвижникъ Игоря и Святослава, впослѣдствіи времени, вѣроятно, за то, что онъ, завѣдуя сборомъ дани, проявилъ особенную склонность къ хищническому обогащенію себя и своей дружины, получившій прозваніе *Волка*, а также и *Блуда*⁽¹⁾, а у Свѣнелда былъ сынъ *Лютъ*⁽²⁾, и который вмѣстѣ съ отцемъ могъ быть въ томъ же походѣ и предводительствовать частію войска: по нимъ могли быть названы народомъ и эти рѣчки, на которыхъ они въ это время предводительствовали своими отрядами.

Достаточно только лишь присмотрѣться къ мѣстности, къ которой относятся эти, съ перваго раза непонятныя для насъ, названія, чтобы убѣдиться въ томъ, что для Козаръ, жившихъ въ Бѣлевѣ и его окрестностяхъ, а равно и для войскъ Когана, вышедшаго на встрѣчу Святославу, весьма важно было встрѣтить здѣсь Святослава, шедшаго на ихъ опорный путь при Окѣ въ самомъ центрѣ земли Вятичей. Позади деревни Ганшиной лежитъ довольно большая возвышенность, съ которой открывается

(1) См. Лѣт. Соф., Ник., Тв. и Воскр. и статью Ө. Гилярова въ Моск. Вѣдом. 1888 г. № 191 стр. 3.

(2) См. тѣ же источники.

видъ на Бѣлевъ и его окрестности на большомъ разстояніи. Самая деревня Ганшина находится при р. Малой Выркѣ на крутомъ ея берегу между двумя большими оврагами и представляетъ собою удобный пунктъ для устройства здѣсь укрѣпленія, какъ передоваго поста для защиты пути къ Бѣлеву и самыхъ береговъ Малой Вырки, впадающей въ Оку подъ самую древнюю крѣпостію его. Къ юго-востоку отсюда идутъ возвышенные холмы по правой сторонѣ Малой Вырки съ Выползовыми оврагами между ними, весьма удобными для засадъ; а къ сѣверо-востоку идутъ рѣчки Волкума и Лютимка, впадающая въ Оку, какъ разъ противъ самой р. Вежны въ разстояніи отъ Бѣлева 1¹/₂ версты. Подъ самымъ г. Бѣлевымъ есть два ряда очень глубокихъ и большихъ, но съ перваго раза издали незамѣтныхъ овраговъ, съ выходами изъ нихъ во всѣ стороны, съ юго-западной стороны города, и одинъ такой же оврагъ съ сѣверной его стороны, гдѣ можно было удобно скрыть отъ непріятеля въ засадѣ цѣлыя десятки тысячъ войска и куда удобно можно было скрыться при отступленіи. Въ Вежнѣ, Лютимкѣ и Малой Выркѣ могли быть сосредоточены всѣ рѣчныя силы Козаръ, такъ что въ случаѣ неудачи Козары легко могли сейчасъ же по Лютимкѣ или Малой Выркѣ добраться до своихъ судовъ и улѣчь вверхъ или внизъ по р. Окѣ. Сверхъ того сюда же по оврагамъ и верхамъ *Лютимскимъ, стойловымъ и вязовымъ* они могли стянуть свои силы съ юга и съ сѣверо-запада съ рѣчекъ *Козарокъ*. Самыя берега рѣчекъ Малой Вырки и Лютимки, какъ видно изъ сохранившихся здѣсь слѣдовъ древнихъ земляныхъ валовъ и рововъ, были сильно укрѣплены, особенно послѣдней въ нижнемъ ея теченіи. Чесусова поляна и Жаровская пустошь находятся какъ разъ на водораздѣльной линіи между Малою Выркою и Лютимкою, между древнею Ганшиною и г. Бѣлевымъ. Здѣсь-то и могла произойти у Святослава съ Козарами *жаркая* схватка, рѣшившая судьбу двухъ народовъ въ землѣ Вятичей: самъ Святославъ могъ дѣйствовать съ юга, отъ рѣчки Хочуньки, наступая на Ганшинское укрѣпленіе и Малую Вырку, а Свѣнелдъ и Лють съ запада и сѣвера. Самое названіе пустоши *Жаровскою*, а всего сред-

няго теченія Малой Вырки *Жаровкою*, а равно и деревни Ганшиной *Жаровскою* тожь⁽¹⁾ свидѣтельствуютъ о томъ, что когда-то именно здѣсь было *жаркое* дѣло между врагами на полѣ брани. Памятниками этого дѣла служатъ въ настоящее время только лишь два остатка древнихъ кургановъ около самой же деревни Ганшиной; но отъ извѣстнаго въ г. Бѣлевѣ любителя древней старины и старожила Ал. Ив. Леонова, или Денежина, умершаго назадъ тому лѣтъ 18, мы слышали, что въ *Жаровкѣ* въ прошломъ столѣтїи много стояло кургановъ, которые потомъ были крестьянами подпаханы и совершенно стерты съ лица земли, подобно тому, какъ уже на нашихъ глазахъ въ послѣдніе годы подпаханы и уничтожены послѣдніе курганы около *Жабыни*, *Ламонова*, *Семьюнова* и *Дуракова*.

Группировка названій, имѣющихъ для насъ такой исторической интересъ, въ одной и той же мѣстности около Бѣлева этимъ однако же не ограничивается. Здѣсь же мы находимъ еще нѣсколько такихъ названій, которыя ясно носятъ на себѣ слѣды именъ историческихъ личностей или указываютъ на извѣстныя историческія событія въ землѣ Вятичей, и потому, такъ сказать, служатъ продолженіемъ той же самой нѣмой бѣлевской лѣтописи. Дѣлаемъ историческую справку по лѣтописнымъ сказаніямъ. „Въ лѣто 6490“ (982 г.), говоритъ лѣтописецъ, „Володимеръ Вятичи побѣди, и возложи на нихъ дань отъ плуга, яко же и отецъ его имаше. Въ лѣто 6491 (983 г.) *заратишася* Вятичи, и иде на нь Володимеръ, и побѣди ихъ второе“⁽²⁾. Отсюда видно только то, что Вятичи отложились отъ Владиміра Святаго послѣ смерти Святослава, или еще отъ подданства отцу его во время его похода въ Болгарію, и Владиміръ Святой долженъ былъ самъ идти на нихъ, пошелъ и усмирилъ ихъ въ 982 г. и наложилъ на нихъ ту же дань, какую они платили и отцу его; но Вятичи *заратишася*, взбунтовались и ополчились сами противъ него, такъ что онъ снова долженъ былъ идти

(1) См. Бѣл. Вивл. т. II, стр. 132.

(2) См. Соф. п. Лѣт. 113. Тоже и въ Новг., Ник., Воскр., Твер. и Нит.

на нихъ, вторично, побѣдилъ ихъ и подчинилъ себѣ. У историковъ мы находимъ и нѣкоторое поясненіе къ этому. Такъ, напр. Щербатовъ говоритъ, что Владиміръ „возложилъ на нихъ дань меньше полушки отъ плуга, но токмо онъ зачелъ отступать, Вятичи во второй разъ взбунтовались“⁽¹⁾, слѣдовательно, прежде еще, чѣмъ Владиміръ успѣлъ выйти изъ ихъ земли, они уже сами ополчились на него. Еминъ же въ своей исторіи, на основаніи лѣтописныхъ сказаній Брунака, лѣтописца Литовскаго, рассказываетъ объ этихъ походахъ Владиміра на Вятичей болѣе подробно. Когда, говоритъ онъ, Владиміру „наскучила женственная жизнь его, онъ приказалъ вельможамъ своимъ собирать войска, которыя въ то время по разнымъ мѣстамъ были распущены. Когда его повелѣнія были исполнены, то во первыхъ сей Князь со всею своею силою устремился на Витичей. Сиі народы во время царствованія Святослава, отца его, платили Россіи дань; а когда въ ономъ государствѣ братья межъ собою спорить начали, тогда Вятичи изъ подъ Россійской власти вышли. Побѣдя ихъ Владиміръ, и покоря подъ свою власть, назначилъ платить имъ ту же дань, которую и отцу его давали. Послѣ сего пошелъ онъ войною противу Ятвяговъ, Литвъ принадлежащихъ. Вятичи, дорогу ему заступя, передовыя его войска привели въ безпорядокъ. Владиміръ, подкрѣпя своимъ присутвіемъ упалыя мѣста, со всею своею силою наступилъ на Вятичей и начальника ихъ своеручно на особенномъ поединкѣ лишилъ жизни. Тогда Вятичи низложили предъ нимъ оружіе. Побѣдя ихъ Владиміръ наложилъ на нихъ дань втрое больше прежняго; потомъ Ятвяги Владиміромъ были покорены. Отдѣленные во время междоцарствія народы паки къ Россіи присоединены. Около Кіева обитающіе Древляне за измѣну жестоко наказаны; ибо свидѣтельствуется Литовскій лѣтописецъ, что они Вятичамъ вспомоществовали“⁽²⁾. Подробности эти для насъ, потомковъ древнихъ

(1) См. Ист. Щерб. т. I, стр. 247.

(2) См. Ист. Э. Эмина 1767 г. т. I, стр. 286–291 со ссылкой на лѣт. Брунака гл. 4, стр. 198 по списку, имѣвшемуся у автора.

свободолюбивыхъ Вятичей, весьма важны, потому что они кратко объясняютъ намъ весь ходъ дѣла. Но все-таки отсюда не видно того, гдѣ же именно былъ главный театръ дѣйствій Владиміра противъ Вятичей: земля Вятичей была такъ велика, что Владиміру было гдѣ погулять по ней съ своими войсками. Раскроемъ же мы страницы своей бѣлевской нѣмой лѣтописи, и онѣ дополнятъ намъ сказанія письменныхъ лѣтописцевъ, укажутъ намъ на мѣсто, гдѣ разыгралась главная драма. Справляясь съ картою Бѣлевскаго уѣзда, приложенною къ „писцевымъ книгамъ“ 1630 года и самыми этими книгами, мы находимъ, что какъ разъ почти противъ Жаровки и Чеусовой поляны, за р. Лютимкою, на лѣвомъ ея берегу отъ впаденія р. Волкуши въ р. Лютимку и до деревни Ламоновой находится большая пустошь *Володинская*, а *Бошина*, *Новосильская* тожъ, какъ извѣстно, удѣльными князьями Бѣлевскими пожертвованная 6 древнѣйшимъ церквамъ г. Бѣлева; а за нею лежитъ большое *Ратово поле* и *Ратова дуброва* близъ деревни Рядовой на р. Сѣтухѣ⁽¹⁾. Самое названіе большой пустоши *Володинскою*, или *Володимерскою*⁽²⁾, поля *Ратовымъ* и дубровы *Ратovou* весьма ясно указываютъ намъ на то, что здѣсь именно былъ Владиміръ Святой въ 983 году, когда Вяти заратились противъ него, и онъ снова вышелъ противъ нихъ со всѣми своими силами, а село *Дураково*, или *Драково*^(*) едва ли не указываетъ намъ на то мѣсто при впаденіи Лютимки въ р. Оку, гдѣ у Владиміра былъ собственный „поединокъ“, или по народному выраженію *драка* съ начальникомъ Вятичей, котораго онъ своеручно лишилъ жизни, по свидѣтельству Брунака. Памятникомъ этой битвы, а можетъ быть, и этого поединка, доселѣ еще служатъ три большихъ кургана на Ратовомъ полѣ между деревнею Ламовою и деревнею Рядовою, вѣроятно получившею свое названіе отъ цѣлаго ряда укрѣпленій, слѣды которыхъ и теперь еще видны здѣсь, —

(1) См. Бѣл. Вивл. т. II, станъ Дураковскій и карту при немъ.

(2) См. Бѣл. Вивл. т. II, стр. 141.

(*) См. объясненіе такого же названія село (Дураково или Драково) въ Михайловскомъ уѣздѣ Ряз. губ. Моск. Вѣд. 1889 г. № 308.

три такихъ кургана, которые уже цѣлыхъ 19 лѣтъ подпахиваются крестьянами, но доселѣ еще виднѣются издали, особенно на горизонтѣ,—и одинъ курганъ въ самомъ селѣ Дураковѣ не вдалькѣ отъ впаденія Лютимки въ Оку, почти уже уничтоженный. Но извѣстно хорошо то, что еще не такъ давно, въ нынѣшнемъ именно столѣтїи по Лютимкѣ вообще стояло множество древнихъ кургановъ, а по водотечамъ и оврагамъ на ней находимы были крестьянами села Дуракова „серебряныя палочки“, какъ они ихъ называли, или древніе *серебряныя рубли* въ видѣ *рубленныхъ* продолговатыхъ слитковъ серебра⁽¹⁾.

Смѣемъ думать, что и этимъ еще не заканчивается, столь ясная для насъ теперь, нѣмая лѣтопись нашихъ предковъ, написанная ими на матушкѣ сырой землѣ около г. Бѣлева, но и еще нѣкоторыя событія увѣковѣчены ею въ памяти народной и сохранились до нашихъ дней. Владиміръ Мономахъ въ извѣстномъ своемъ „духовномъ завѣщанїи“ говоритъ дѣтямъ: „а въ Вятичи ходихомъ по двѣ зимѣ на *Ходоту* и на сына его, и ко Кордню ходихомъ первую зиму“⁽²⁾. Кто былъ этотъ Ходота, князь ли Вятичевскїй или старшина, или, какъ полагалъ покойный о. Леонидъ Кавелинъ, можетъ быть, въ то же время и жрецъ⁽³⁾, и кто таковъ былъ сынъ его, Владиміръ Мономахъ ничего о томъ не говоритъ, и лѣтописи о походѣ его на Вятичей не упоминають вовсе; но по всей вѣроятности оба они были всѣмъ хорошо извѣстны своими дѣйствїями противъ кїевскихъ князей и на столько сильны, что Владиміръ Мономахъ самъ лично долженъ былъ, подобно предку своему Владиміру Святому, „по двѣ зимѣ ходить“ на нихъ. Куда именно онъ ходилъ на нихъ въ землю Вятичей, опять неизвѣстно; однако же едва ли опять не къ нашему же городу Бѣлеву, потому что въ той же самой мѣстности, гдѣ стоитъ де-

(1) Рубли эти они продавали евреямъ, а одинъ изъ нихъ, кажется, доселѣ еще хранится у бѣл. пот. поч. гражд. А. П. Прохорова.

(2) См. Ист. Гос. Росс. т. II, стр. 146.

(3) См. Ист. церкви въ пред. Калуж. губ. стр. 9.

ревня Ганшина, не вдалекѣ отъ пустоши Володинской, есть деревня *Ходыкина*, а немного далѣе ея есть рѣчки *Серебрянка*, *Велья Гривенка* и *Ръзанька*⁽¹⁾. Самое названіе деревни *Ходыкиной* едва ли не есть измѣненіе слова *Ходотина* (*Ходытина*, *Ходыкина*) и едва ли не указываетъ на этого знаменитаго *Ходоту*, а названіе рѣчекъ *Серебрянка*, *Велья Гривенка* и *Ръзанька*⁽²⁾ едва ли не увѣковѣчиваютъ собою памяти о той дани, которую *Вятичи* принуждены были платить кievскимъ князьямъ. Очень можетъ быть, что путь, однажды пройденный *Святославомъ*, сдѣлался потомъ обычнымъ путемъ хожденія въ землю *Вятичей* къ р. *Окѣ* какъ самихъ князей кievскихъ, такъ и ихъ воеводъ. Поэтому-то и *Владиміръ Святий* и *Владиміръ Мономахъ* могли идти тѣмъ же путемъ, и *Вятичи*, съ своей стороны, могли всѣ свои главныя силы стягивать къ *Бѣлеву*, какъ къ весьма удобному для нихъ опорному пункту, чтобы здѣсь встрѣтить своихъ враговъ и помѣриться съ ними своими силами. Во всякомъ случаѣ всѣ эти названія достойны вниманія исследователей *бѣлевской* старины. Группировку именно около г. *Бѣлева*, и при томъ почти въ одной и той же мѣстности, столькихъ названій, имѣющихъ историческій интересъ, нельзя считать дѣломъ маловажнымъ и не стоящимъ вниманія: въ ней сохранились до нашего времени и еще долго будутъ сохраняться „преданья старины глубокой“.

III.

И такъ, самое названіе нашего города *Бѣлево*мъ, а находящихся вокругъ него селеній, мѣстностей и рѣчекъ такими именами, которыя ясно напоминаютъ намъ собою извѣстныя историческія лица и событія давно про-

(1) *Ръзань*—полкунѣ, около 2 зол. вѣсу. См. *Слов. Даля* т. I, стр. 406 и *Березина* т. V, стр. 839.

(2) Замѣчательно, что близъ деревни *Ходыкиной* есть еще деревня *Нишутина* (не отъ имени ли сына *Ходоты* она получила свое названіе?), село *Умришенки* и деревня *Передѣль*, село *Дракунь* и рѣчка *Дракунка*, по пути къ г. *Козельску*.

шедшихъ время, убѣждаютъ насъ въ томъ, что городъ Бѣлевъ принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ городовъ не только въ нашей Тульской губерніи, но и вообще въ землѣ Вятичей. Если даже допустить, что онъ основанъ былъ козарами, и тогда окажется, что онъ уже существовалъ на свѣтѣ не менѣе 1000 лѣтъ. Но мы имѣемъ въ своихъ рукахъ несомнѣнное доказательство того, что Бѣлевъ, если не какъ городъ, то какъ мѣсто поселенія здѣсь человѣка, принадлежитъ вообще къ числу древнѣйшихъ населенныхъ мѣстъ на берегахъ р. Оки. Еще въ доисторическія времена *каменнаго періода*, а можетъ быть даже еще въ *эпоху мамонта* (1) человѣкъ пришелъ сюда изъ глубины Азіи—этой колыбели человѣческаго рода и поселился здѣсь среди дремучихъ лѣсовъ на берегу р. Оки не на короткое только время для ловли звѣрей и птицъ, гона бобровъ или ловли рыбы, а для постоянного жительства; потому что здѣсь мы нашли не только цѣлыя тысячи различныхъ орудій *каменнаго вѣка*, но и зубы и позвонокъ *мамонта* и одну большую иглу, сдѣланную изъ кости мамонта. Да. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ это бы у насъ въ Бѣлевѣ могъ подумать, что здѣсь люди жили еще во времена *каменнаго періода* и оставили по себѣ безмолвные памятники своего долгаго существованія здѣсь и постепеннаго усовершенствованія въ гончарномъ искусствѣ и приготовленіи кремневыхъ орудій? Мы первые же отвергли бы это, какъ явную нелѣпость, если бы кто-либо сказалъ намъ, что въ г. Бѣлевѣ и около него можно найти цѣлыя тысячи орудій *каменнаго періода*, потому что не такъ еще давно ученые, особенно иностранные, настойчиво утверждали, что во времена *каменнаго періода* въ Европѣ вся Россія была залита водою, и мы вѣрили ихъ слову науки. Но, вотъ, въ 1888 году осенью Московское Императорское Археологическое Общество разослало по церквамъ вопросные пункты, въ которыхъ

(1) Кости мамонта и зубы его не разъ были находимы и въ г. Бѣлевѣ и въ его окрестностяхъ, напр. въ Подмонастырской слободкѣ, д. Береговой, близъ д. Фотьяновой, въ с. Зайцевѣ.

между прочимъ говорилось и о такъ называемыхъ „громовыхъ стрѣлахъ“, и достопочтеннѣйшему нашему собрату во Христвѣ, священнику села Старыхъ Долець Н. Аѳ. Преображенскому удалось отъ разныхъ деревенскихъ бабокъ—умывалокъ и повитухъ приобрѣсти нѣсколько наконечниковъ кремневыхъ стрѣлъ; началась у него по этому поводу переписка съ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ, получена была имъ отъ предсѣдателя Общества „Археологія Россіи“ графа Уварова, и мы по тексту этой книги и рисункамъ хорошо ознакомились съ различными видами кремневыхъ орудій каменнаго періода. Въ началѣ Августа 1889 года, идя съ своими дѣтьми въ Жабынскую Пустынь, мы вздумали по дорогѣ зайти и осмотрѣть стоящіе при р. Окѣ остатки Жабынскихъ кургановъ, отнюдь не рассчитывая найти въ нихъ какія-либо орудія каменнаго періода, потому что, по словамъ почти всѣхъ изслѣдователей нашей Бѣлевской старины, курганы эти всѣми доселѣ считались могильными насыпями на мѣствѣ битвы русскихъ съ литовцами подъ Жабынью въ началѣ XVII вѣка. По осмотрѣ оказалось, что курганы давно уже обвалились, рухнули въ рѣку, и въ остаткахъ ихъ на берегу не замѣтно никакихъ слѣдовъ погребенія умершихъ въ большемъ количествѣ: попадались только лишь куски глины и земли, заколченные дымомъ и засаленныя, что ясно указывало на бывшее здѣсь трупосоженіе, но этого намъ въ голову не могло придти въ виду сложившагося убѣжденія, что здѣсь погребены были воины, павшіе на битвѣ. Мы уже хотѣли было совсѣмъ выйти на берегъ и продолжать свой путь въ Жабынь, какъ вдругъ одинъ изъ нашихъ сыновей нашелъ въ пескѣ отличный, шлифованный, довольно большой кремневый ножъ. Это заставило всѣхъ насъ внимательно осмотрѣть всю мѣстность, порыться въ пескѣ на берегу р. Оки и въ берегахъ небольшого рва близъ кургановъ, и искать новыхъ находокъ. Трудъ нашъ увѣнчался большимъ успѣхомъ: мы нашли здѣсь болѣе 100 штукъ отломковъ кремневыхъ ножей, наконечниковъ стрѣлъ и терракотовыхъ черепковъ. Такимъ образомъ, вопреки утверженію нашихъ изслѣдователей Бѣлевской старины, оказалось, что Жа-

бынскіе курганы были не памятниками битвы русскихъ съ литовцами подъ Жабынью, не могильными насыпями на мѣстѣ погребенія убитыхъ въ XVII в., а памятниками *стдой* старины, глубокой древности. Естественно послѣ этого у насъ явилась мысль попытать счастья, поискать каменныхъ орудій въ самомъ городѣ Бѣлевѣ и его окрестностяхъ. Пошли мы передъ вечеромъ съ своими дѣтьми и нѣкоторыми мальчиками на берегъ р. Оки подъ древнее Бѣлевское городище и, такъ сказать, обшарили здѣсь всѣ уголки берега Оки и его возвышенія. Здѣсь вскорѣ къ намъ присоединились цѣлые десятки городскихъ мальчиковъ и дѣвочекъ, бывшихъ на рѣкѣ, и также стали подбирать всякаго рода камешки, сколько-нибудь похожіе на тѣ, какіе мы собирали. Явились даже цѣлыя толпы зѣвакъ, которымъ наши поиски казались чѣмъ-то удивительнымъ, безумнымъ, смѣшнымъ. „Должно быть, батюшка Воскресенскій съ ума сошелъ, говорили нѣкоторые, собралъ цѣлую орду ребятишекъ и ищетъ съ ними какіе-то камешки: цѣлые мѣшки ихъ набралъ и ребятишекъ за нихъ деньгами одѣлил“. Среди такой обстановки стыдно было намъ и ходить по косогорамъ и водомоинамъ, по кошачью корабкаясь то на одинъ откосъ берега, то на другой; но дѣлать было нечего, нужно было начатое дѣло кончить, и мы прошли весь берегъ Оки отъ впаденія Малой Вырки въ нее и до водопроводнаго зданія. Трудъ увѣнчался блестящимъ успѣхомъ: промыли мы дома всѣ принесенные нами камни и камешки, разобрали, и оказалось, что собрали болѣе 1,000 штукъ разнаго рода кремневыхъ орудій—наконечниковъ стрѣлъ и копій, обломковъ ножей и скребловъ, обломокъ одной кремневой пилы съ ручкою, множество отбойныхъ орудій, топоровъ, клинковъ и молоточковъ. Не разъ послѣ этого мы съ достопочтеннѣйшимъ сослуживцемъ своимъ, преподавателемъ прогимназіи Н. Н. Свамицкимъ, предпринимали путешествіе къ Жабынскимъ курганамъ и на берега рѣчекъ Бѣлевки, Малой Вырки и Лютимки съ археологическими цѣлями и вездѣ нашли много кремневыхъ орудій разнаго рода, а въ Жабыни и черепковъ. По почину и примѣру нашему и священникъ села Старыхъ Долецъ Н. Аѳ. Пре-

ображенскій на городкѣ близъ деревни Михневой, на мѣстности на берегу р. Оки, называемой Ярень, и близъ кургановъ подъ деревнею Воронежъ нашелъ множество такихъ же орудій и черепковъ. Такимъ образомъ, вопреки недавнему мнѣнію ученыхъ и археологовъ, оказалось, что человѣкъ жилъ и дѣйствовалъ на берегахъ р. Оки, устраивалъ городки и городища и воздвигалъ большія земельныя насыпи или курганы, какъ бы своего рода пирамиды, на мѣстахъ своего жительства, еще въ тѣ отдаленныя времена, когда онъ не зналъ никакого иного орудія, кромѣ кремневыхъ наконечниковъ стрѣлъ, и изъ кремня изготовлялъ и самые топоры и молотки и прочіе инструменты, необходимые въ общежитіи. Но рассматривая орудія, найденныя нами въ разныхъ мѣстахъ, мы находимъ между ними большую разницу. Въ жабынскихъ курганахъ мы преимущественно находимъ предметы домашняго обихода, обломки ножей, клиночки, топорки и росписныя черепки, и притомъ хорошей отдѣлки, нашли даже слѣды упражненія человѣка въ сплавѣ какого-то металла; на берегахъ рѣчекъ Малой Вырки за г. Бѣлевомъ и Лютимки мы нашли много наконечниковъ стрѣлъ и копій и весьма мало отбойныхъ орудій, черепковъ же терракотовыхъ нашли только два. Что же касается до г. Бѣлева, то здѣсь и на берегахъ р. Оки, Бѣлевки и Малой Вырки и въ разныхъ частяхъ города мы преимущественно находили орудія *метательныя*—наконечники стрѣлъ и копій—и *отбойныя*, или такія, которыми человѣкъ изъ кремня выдѣлывалъ разныя вещи; немного найдено нами здѣсь обломковъ ножей, скребковъ и терракотовыхъ черепковъ. То есть, преимущественно нами найдены здѣсь орудія военныя и такія, которыми послѣднія приготовлялись. Одни изъ тѣхъ и другихъ орудій сдѣланы весьма неискусно, а другія очень искусно, что само собою свидѣтельствуетъ о различныхъ степеняхъ развитія и усовершенствованія жившаго здѣсь человѣка въ выдѣлкѣ этихъ орудій. Есть орудія различной величины, начиная отъ самыхъ маленькихъ стрѣлъ, которыми можно было развѣ маленькихъ птичекъ стрѣлять, и кончая такими большими, которыми можно было не только человѣка, но и медвѣдя убить. Есть и ножички

очень тонкіе и такіе миниатюрныя, которымъ трудно дать какое-либо назначеніе въ домашнемъ обиходѣ. Есть и подпалочка два также миниатюрныхъ, сдѣланныхъ изъ очень твердаго кремня. Все это ясно указываетъ на то, что на этомъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ нашъ городъ, человѣкъ каменнаго періода не временно только имѣлъ свое пребываніе ради охоты въ лѣсахъ, а жилъ постоянно долгое время, защищался здѣсь отъ нападенія на него враговъ и самъ готовился къ нападенію на другихъ. Что человѣкъ жилъ здѣсь долгое время, въ этомъ несомнѣнно убѣждаетъ насъ и то гончарное искусство, памятниками употребленія котораго въ домашнемъ обиходѣ онъ оставилъ тѣ черепки, которые мы нашли, хотя и не въ большомъ количествѣ. Одни изъ этихъ черепковъ въ полномъ смыслѣ слова топорной работы, просто слѣплены изъ чернозема и слюды весьма неискусно, аляповато и непомѣрной толщины, а другіе сдѣланы изъ глины весьма искусно, такъ что невольно удивляешься тому, сколько времени и труда человѣкъ долженъ былъ употребить на изготовленіе расписаннаго разными узорами сосуда, для домашняго ли употребленія, или для религіознаго своего служенія и похороннаго обряда.

Всѣхъ вообще орудій и черепковъ каменнаго періода мы нашли въ г. Бѣлевѣ въ разныхъ мѣстахъ болѣе 1500 штукъ ⁽¹⁾, но безъ всякаго сомнѣнія это только лишь ничтожная частичка того, что можно было бы найти здѣсь археологу. Съ одной стороны и неудобно было священнику ходить по различнымъ мѣстамъ города и разыскивать то въ пыли, то въ грязи, то на какомъ-

(1) Всѣхъ же вообще предметовъ каменнаго періода въ Жабыни, Бѣлевѣ и на р. Малой Выркѣ и Лютимкѣ за Бѣлевымъ мы нашли около 5,000 штукъ, изъ коихъ болѣе 3,000 штукъ были отправлены въ Московское Императорское Археологическое Общество. Это почтеннѣйшее Общество, разсмотрѣвъ ихъ, съ нашего на то согласія, отобрало себѣ для музея около 800 штукъ болѣе типическихъ орудій каменнаго вѣка, а остальныя возвратила намъ сама предсѣдательница Общества, графиня П. С. Уварова; увѣдомляя насъ о разборѣ нашихъ находокъ и прося позволенія у насъ отобрать для музея болѣе типическія орудія, выразилась такъ: „находка Ваша можетъ считаться весьма любопытной и интересной для науки“ (Отн. за № 1158 отъ 7 Декабря 1891 г.)

нибудь косогорѣ „то въ глубокомъ рву“ какіе-то камешки на потѣху праздному люду, неимѣющему никакого понятія о каменномъ періодѣ, а съ другой—нужно принять во вниманіе то, что главная масса всякаго рода кремневыхъ орудій и черепковъ сокрыта въ землѣ подь постройками и мостовыми города. Однако же и эти 1,500 предметовъ глубокой древности, найденные нами въ различныхъ концахъ г. Бѣлева, убѣдительно говорятъ намъ о томъ, что когда-то, въ давно былыя времена здѣсь уже развивалась осѣдлая, гражданственная жизнь доисторическаго человѣка. Какое племя здѣсь обитало, мы не можемъ относительно этого ничего сказать; но спеціалисты археологи безъ сомнѣнія, судя по каменнымъ орудіямъ, могутъ опредѣлить, какому доисторическому народу и племени они принадлежать. Для насъ же важно то, что человѣкъ жилъ въ Бѣлевѣ съ незапамятныхъ временъ, и Бѣлевъ, какъ мѣсто поселенія человѣка на берегахъ р. Оки, Малой Вырки и Бѣлевки, для постояннаго его жительства, въ укрѣпленномъ городкѣ, получилъ свое начало еще въ тѣ первобытныя времена, когда у насъ въ Россіи существовалъ каменный періодъ. Подь какимъ именемъ въ тѣ отдаленныя времена онъ былъ извѣстенъ людямъ, конечно, отгадать этого теперь нельзя. Но такъ какъ теперешнее свое названіе нашъ городъ, какъ мы выше показали, могъ получить только лишь со времени завладѣнія Козарь Вятичами и наложенія на нихъ дани бѣлками, а въ „писцовыхъ книгахъ“ 1630 года мы находимъ множество селеній, пустошей и урочищъ съ двойными и даже тройными названіями, изъ коихъ многія названія теперь уже совершенно забыты, да и вообще у насъ въ городѣ доселѣ есть очень много семействъ и даже цѣлыхъ старинныхъ родовъ носящихъ двойныя и даже тройныя фамиліи ⁽¹⁾; то можно полагать, что въ давно прошед-

(1) Въ этомъ отношеніи Бѣлевъ представляетъ собою нѣчто удивительное: чуть не каждый древній домъ въ немъ имѣетъ двѣ или три фамиліи, и при этомъ подлинная-то фамилія часто извѣстна лишь самому носителю да причту его приходской церкви. Возьмемъ, напр., фамилію Доро-

шія времена нашъ городъ носилъ другое имя, которое теперь совершенно вышло изъ памяти народной, утратилось подобно тому, какъ теперь совсѣмъ утратились многія первоначальныя названія селеній, еще во времена составленія „писцовыхъ книгъ“ 1630 года сохранившіяся въ памяти народной. Въ этомъ случаѣ мы можемъ здѣсь указать на одно весьма важное обстоятельство, которое, можетъ быть, впоследствии приведетъ изслѣдователей Бѣлевской старины къ разрѣшенію этого недоумѣнія. Въ лѣтописяхъ подъ 1147 и другими годами, въ числѣ другихъ городовъ въ землѣ Вятичей, упоминается городъ *Девягорескъ*, вѣроятно получившій свое названіе отъ *девяти горъ*, или холмовъ, на которыхъ онъ былъ расположенъ. Сколько ни искали этого города въ землѣ Вятичей наши историки и археологи, нигдѣ не нашли слѣдовъ его существованія въ древности. Не нашъ ли именно городъ въ ту пору извѣстенъ былъ лѣтописцамъ подъ этимъ древнимъ его названіемъ, которое съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе утрачивалось въ памяти народной и наконецъ совершенно исчезло подобно многимъ другимъ названіямъ, еще употреблявшимся въ „писцовыхъ книгахъ“ 1630 года? А нашему городу такое названіе въ отдаленной древности, дѣйствительно, легко могло быть дано, потому что онъ расположенъ *на девяти горахъ*, или холмахъ, которыя всѣ въ глубокой древности могли быть отдѣльно укрѣплены или огорожены земляными валами, такъ что могли представлять собою девять отдѣльных „городковъ“, или укрѣпленій: слѣды такихъ укрѣпленій существуютъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ доселѣ, а о другихъ извѣстно по выписямъ изъ писцовыхъ книгъ, и мы во всѣхъ этихъ девяти отдѣльныхъ частяхъ древняго города нашли ору-

фѣвяхъ. Спросите вы: гдѣ здѣсь живутъ Ѳ. Ал. Дорофѣвъ, Як. Н. Дорофѣвъ, П. Н. Дорофѣвъ, Н. Ив. Дорофѣва и т. д.? Даже на тѣхъ улицахъ, гдѣ они живутъ, вамъ скажутъ: „здѣсь такового нѣтъ“. Спросите же: гдѣ живутъ Ѳ. Ал. Кулякинъ, Як. Н. Питеркинъ, П. Н. Тюпкинъ, Н. Ив. Шишкина и т. д.?—и окажется, что каждый ихъ знаетъ въ городѣ, и малютка укажетъ вамъ ихъ дома.

дія каменнаго періода какъ метательныя, такъ и отбойныя, что само собою указываетъ на бывшія здѣсь мѣста древняго жительствова. Во всякомъ случаѣ это совпаденіе названія безслѣдно пропавшаго города съ девятью горами Бѣлева достойно замѣчанія, и мы обращаемъ на это вниманіе археологовъ и изслѣдователей Бѣлевской старины.

Воскресенской, въ г. Бѣлевѣ, церкви

Протоіерей **Михаиль Бурцевъ.**

Тула. Печатать позволяется. 1895 г. Января 10-го.

Цензоръ Протоіерей *Георгій Павловъ.*

Типографія Н. И. Соколова, въ Туль.